

English version: [Andreeva G.M. Social psychology in space of modern science and culture](#)
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)
[Литература](#)
[Ссылка для цитирования](#)

Обсуждается вопрос о необходимости более подробного понимания статуса социальной психологии как науки в условиях современных социальных изменений и новой парадигмы в дисциплине. В частности, возникает проблема уточнения междисциплинарного характера социальной психологии и ее существования в новом социальном контексте – в соотношении с культурой. Рассматривается также вопрос о новой практической роли социальной психологии в соответствии с требованиями социального конструкционизма.

Ключевые слова: пространство культуры и науки, социальная психология, социальные изменения, социальный конструкционизм

Для развития любой науки важным фактором ее существования является положение дисциплины в некотором социальном пространстве. Особо значимым этот фактор представляется для развития гуманитарных и социальных наук, поскольку их близость к социальным реалиям очевидна, и это не может не оказывать влияния на целый ряд обстоятельств «пребывания» науки в системе социума в каждый период ее развития. Тем более очевидно, что названная проблема значима для группы так называемых междисциплинарных наук. Социальная психология относится именно к ним.

Обычно традиционное обсуждение статуса социальной психологии сводится к обсуждению либо вопроса о ее месте среди двух «родительских дисциплин» – социологии и психологии, либо о ее месте внутри каждой из этих наук [Андреева, 2008]. Если принимается позиция о принадлежности социальной психологии к психологической науке, то речь идет о взаимоотношении социальной психологии с другими «психологиями» (общей, клинической, возрастной, психологии личности и пр.). В крайнем случае рассматривается вопрос о соотношении фундаментальной и прикладной частей дисциплины. Если принимается позиция о социальной психологии как части социологии, соответственно обсуждается проблема ее соотношения с общей теорией социологии (или одной из них), либо с частными социологическими теориями, такими как социология города, семьи, массовых коммуникаций, молодежи и т.п.

Характерно, что и при том, и при другом решении вопроса многократно возникал ряд критических замечаний, выражавших неудовлетворенность состоянием дисциплины, что в конечном счете оформилось как идея кризиса этой системы знания. Его проявления отмечались при любом решении вопроса о принадлежности социальной психологии, как в рамках психологии, так и в рамках социологии. Так, в психологии, по мнению Дж.Сильвермена, кризис проявляется в слабой связанности социально-

психологических теорий со сферой реальных социальных проблем, их слабой релевантностью этим проблемам, обусловленной опорой при изучении социального поведения на модели индивидуальной психологии [Якимова, 1993, с. 14]. При «социологическом» варианте статуса социальной психологии критика центрировалась на неумении социальной психологии реализовать свои возможности в решении некоторых фундаментальных проблем психологии, что неоднократно фиксировалось в литературе [Там же. С. 11]. Дискуссия эта не ослабевает до сих пор, иллюстрацией чего является относительно недавняя публикация журнала «Personality and Social Psychology Review», где вновь достаточно подробно рассматриваются различия между «двумя» социальными психологиями по таким параметрам, как уровень анализа, исходные постулаты, методы и области исследования [Oishi et al., 2009, p. 337]. Более того, в последние годы вообще оказался поднятым вопрос о необходимости, в частности, обсуждать специально социальную историю психологии, что по существу означает приглашение к анализу социального пространства данной и родственных дисциплин [Jansz, Drunen, 2009].

Важно, что при любом решении проблемы статус социальной психологии рассматривается как статус научной дисциплины. Против этого трудно возражать, поскольку вся традиция исследований опирается именно на этот тезис – социальная психология существует в пространстве системы наук. Вместе с тем в современных условиях все эти вопросы помножаются как минимум на два других обстоятельства, характерных для периода рубежа веков: с одной стороны, на радикальные трансформации социума, в частности, приводящие к глобализации, становлению поликультурного мира; с другой стороны (связанной, впрочем, с первой), на изменения внутри самой науки – поиски ею новой парадигмы^[1]. Именно из-за сложившейся новой ситуации проблема статуса этой дисциплины решается сегодня значительно более сложно, а именно возникает необходимость ставить вопрос не только о месте социальной психологии в системе научного знания, но и в более широком плане – о ее позиционировании как минимум и в пространстве культуры.

Если первая часть проблемы достаточно традиционна (хотя и в ней возникают новые повороты), то вторая часть требует инновационного подхода. В связи с этим целесообразно рассмотреть оба возможных варианта научного позиционирования социальной психологии в сегодняшних условиях.

Вопрос о специфике социально-психологического знания, то есть становления социальной психологии именно как науки, полагает как само собой разумеющееся использование для определения ее предмета принятых в данном случае критериев. В общем, так именно и делалось на протяжении исследования истории этой дисциплины, когда постоянно подчеркивалась возможность «двух» социальных психологий – «психологической» (PSP) и «социологической» (SSP) (подробнее см. [Андреева, 1980]), различающихся по разным акцентам, но также в известном смысле и по предмету: «Социальные психологи социологической ориентации акцентируют структурные аспекты социального взаимодействия, тогда как психологи проявляют особый интерес к мотивации, когнитивным способностям и внутриличностным процессам» [Boutilier et al., 1995, p. 173–174].

Позже критика «односторонности» социальной психологии, будь это психологический или социологический ее вариант, лишь усиливается[2]. В 80-х – начале 90-х годов было высказано предположение, что «обе дисциплины страдают от взаимного неведения», «взаимного невежества», «обоюдного невнимания», что вызывает необходимость преодолеть их «самодостаточность», то есть «способствовать самой полной обоюдной осведомленности двух социальных психологий и укреплять их интеллектуальные контакты» [Страйкер, 1995, с. 200].

Вариантов решения этой проблемы выдвигалось несколько: прямое слияние двух ветвей науки, сохранение «независимости» каждой из них, наконец, построение новой интегрированной дисциплины, на ампула которой все чаще предлагалась концепция символического интеракционизма. Привлекательность этой концепции и для психологически, и для социологически ориентированных психологов обуславливалась тем, что в программе, предложенной Дж.Мидом (и в ее современном варианте Г.Блумера), содержалась как раз попытка достичь взаимопонимания «психологического» и «социологического» подходов. Это проявилось, в частности, в разработке двух концепций: этнометодологии Г.Гарфинкеля и социальной драматургии И.Гофмана (подробнее см. [Андреева и др., 2002, 2005]). Зависимость того или иного решения проблемы часто прямо связывалась с конкретными характеристиками типа общества, определенных этапов его развития[3].

Однако дискуссии последних лет, порожденные радикальными социальными преобразованиями, потребовавшими создания новой парадигмы практически во всех областях гуманитарных и социальных наук, заставляют несколько по-иному подойти и к этой проблеме. В общем виде предложение сводится к поискам новой парадигмы и в самой социальной психологии. Суть ее, именно как парадигмы науки, обозначается как следование существенному сдвигу всего обществознания в гуманитарную сторону, что связано с принципиальным изменением вектора исследований, продиктованного требованиями постмодернизма. В принципе это означает отказ от позитивистского образа науки и общую «гуманитаризацию» социального знания. Естественно, что для социальной психологии особое значение приобретают те изменения, которые происходят в этом плане в каждой из «родительских» дисциплин, то есть и в психологии, и в социологии.

Так, сдвиг психологии в гуманитарную сторону фиксируется достаточно отчетливо. Широкая дискуссия в литературе по этой проблеме хорошо известна. В частности, нововведения описываются при помощи термина «постнеклассическая»[4] психология, когда выявляются ее отличия не только от «классической», но и от «неклассической» форм. Старое традиционное деление наук на «естественные» и «гуманитарные» по-новому интерпретируется по отношению к психологии, а именно признается тезис о ее все большем включении в ткань гуманитарных наук. Интересно, что вся аргументация в пользу такого понимания черпается из материалов развития именно социальной психологии, где заявленный принцип обсуждается практически с 70-х г.г. прошлого века (см., например, [Moskovicí, 1971, и др.]).

Сегодня необходимость отхода от стандартов естественно-научного исследования, построенного на принципах позитивизма, подчеркивается с особой настойчивостью при разработке идей социального конструкционизма, претендующего как раз на статус новой парадигмы в социальной психологии и представляющего собой специфический вариант постмодернизма [Gergen, 1995; Андреева, 2005; Якимова, 1995]. Не касаясь сейчас достаточно известного содержания этой парадигмы, отметим лишь одно важнейшее следствие, вытекающее из нее, а именно поиск более «единой» социальной психологии, интегрированной в единую содержательную область научного знания и, соответственно, обозначение этой новой области. Возможность такой интеграции, как в свое время предлагал С.Московичи [Moskovicí, 1972], может быть, в частности, осуществлена на путях «социологизации» социальной психологии (подробнее см. [Андреева, 2002]). В дальнейшем попытки интегрирования социальной психологии в единую дисциплину ведутся уже на протяжении нескольких десятилетий, иногда параллельно с поисками новой парадигмы, а иногда и независимо от них. Важно, что при всех предлагаемых вариантах интеграции упор делается на усиление роли социального компонента социально-психологического знания.

Параллельно с дискуссиями о происхождении социальной психологии идет постоянный процесс определения ее границ, теперь уже не относительно родительских дисциплин, а относительно сфер обитания. Это второе направление дискуссии есть следствие настойчивого подчеркивания роли и значения именно этого установленного социального компонента науки. Иными словами, речь идет о практической встроенности социальной психологии в жизнь общества. Практически так же, как дискуссия о «родителях», стара и дискуссия о соотношении теоретической и практической стороны социальной психологии, хотя сегодня и этот вопрос может быть освещен в несколько ином аспекте.

Что дисциплина, связанная с изучением человека и общества, их взаимоотношением, не может не быть практически ориентированной, общее место. Однако формы ее участия в социальной практике и одновременно взаимодействия с другими дисциплинами, принимающими в ней участие, – не столь простой вопрос. Одна из сторон проблемы – выделение внутри «практического поля» социальной психологии двух областей: прикладных исследований и собственно «практической социальной психологии» (термин, более или менее утвердившийся в отечественной литературе на протяжении ряда последних лет. Соотношение фундаментального и прикладного знания – проблема почти любой науки, и в сфере социальной психологии она достаточно хорошо разработана [Deutsch, Horstein, 1975; Stringer, Wiley, 1982][5]. Определены различные типы прикладных исследований, формы участия в них заказчиков, основные сферы приложения социально-психологических знаний (управление и организация, средства массовой коммуникации, семья и школа, политика и право, наука и пр.). Однако наряду с этим важным видом деятельности социального психолога все более четко обозначила себя и точно очерченная область – «практическая социальная психология» – сфера, связанная с прямым вмешательством ученого в осуществление тех или иных видов социальной деятельности [Жуков и др., 1996, с. 21–28]. По существу это означает создание особой профессии, где сформировались специфические роли: возникает своего рода ролевое

кольцо, куда входят клиент, заказчик, спонсор, посредник, подрядчик и исполнитель. Сам же исполнитель исполняет три роли: эксперт, консультант и учитель (чаще всего имеется в виду руководитель группы тренинга) [Там же. С. 321].

Возникновение практической социальной психологии и превращение ее по существу в особую профессию усложняет старую дискуссию о структуре социальной психологии как науки. Теперь ее непосредственное «присутствие» в целом ряде областей жизни социума как минимум требует рассмотрения дисциплины в более широком контексте – не только в пространстве собственно науки, но и в ее отношениях с другими компонентами общественных структур, то есть вновь в социальном пространстве.

Предваряя разговор о соотношении социальной психологии конкретно со сферой культуры, можно обратить внимание в качестве предварительного шага на такую сферу жизни общества, как язык. Усиление внимания к этой области общественной жизни явно прослеживается в последние десятилетия, что обозначает существенный сдвиг в проблематике социальной психологии, называемый «поворотом к языку» (подробнее см. [Андреева, 2009]). Этот вектор исследований в известной степени демонстрирует преимущества интересующей нас в данном контексте интеграции двух ветвей социальной психологии, например, в рамках символического интеракционизма, который, как отмечалось, все чаще претендует на место нового, третьего, «образа» социальной психологии, поскольку именно в нем усматривается оптимальное соотношение (и сочетание) психологического и социального компонентов. Но усиление внимания к языку немедленно сопровождается требованием усиления акцента не только на социальные детерминанты человеческого поведения, но и на вплетенность его в культурный контекст, коль скоро язык выступает и как элемент культуры. Поэтому «поворот к языку» можно рассматривать как своеобразную лакмусовую бумажку, фиксирующую более настойчиво поиск социальной психологией своего места не только в пространстве науки, но и в пространстве культуры.

Сама по себе идея существования языка в двух ипостасях – как орудия социального взаимодействия людей и как элемента культуры – не является в истории науки новой. Не случайно заявленный подход опирается на достаточно старую традицию в обществознании, прежде всего на идеи М.М.Бахтина, разработавшего концепцию диалога и рассматривающего диалогизм как эпистемологию «человеческого познания и коммуникации и – более широко – часть социальных наук, которые исследуют символическое мышление, выраженное в языке» [Бахтин, 1979]. Сегодня эти идеи оказались настолько востребованными, что практически ни одна работа, связанная с данной проблематикой, не обходится без цитирования Бахтина [Augustinos, Walker, 1995, p. 143]. Особой популярностью пользуется идея Бахтина о коммуникативных жанрах, что специально исследует сегодня известный социальный психолог И.Маркова [Markova, 2003, p. 197]. Связь введенного М.М.Бахтиным понятия «коммуникативный жанр»^[6] с определенной социальной практикой очевидна: «жанр» всегда связан с некоторой социальной группой, в которой используется (дети, представители разных профессий и т.п.). Поэтому жанры различны в локальных условиях: в семье, в терапии, в социальных и политических ситуациях, то есть

адекватны конкретной практике. Именно поэтому их нельзя изучать в лаборатории, они существуют в реальной социальной жизни и, передаваясь от поколения к поколению, играют роль в становлении представлений людей о социальном мире [7]. Элемент культуры здесь полностью «погружен» в социальный мир.

Сходное решение проблемы можно увидеть и в концепции С.Московичи, в той ее части, где предлагается идея так называемой идентификационной матрицы – своеобразной рамки принятия информации индивидом. Превращение того, что воспринято, в то, что понято, осуществляется фактом называния объекта, а значит так или иначе зависит от «привязки» информации к уже существующим в социуме языковым обозначениям тех или иных явлений, то есть от сопричастности конвенциям, существующим в культуре. Следовательно, представление не просто неизбежно формулируется в группе, в условиях социальной коммуникации, оно изначально включено также и в некоторый культурный контекст [Augoustinos, Walker, 1995; Андреева, 2005]. Не случайно общая тональность рассуждений Московичи о коммуникации включена в контекст культуры. Показательны в этом смысле его утверждения о том, что «культура создается в общении и через его посредство» [Moscovici, 1971, p. 57], и более того, что «собственной сферой нашей дисциплины является изучение культурных процессов (подчеркнуто нами – Г.А.), которые ответственны за организацию знания в обществе, за установление межиндивидуальных отношений..., за формирование социальных движений (групп, партий, институтов)..., причины происхождения которых опять же следует искать в социальном контексте» [Ibid. P. 55].

Характерно, что – возможно, как следствие распространения идей новой конструкционистской парадигмы в социальной психологии – родилось и такое современное течение, как нарративная психология [Harre, 1977; Crossley, 2000]. Идея нарратива – повествования, прежде всего о себе самом, по мнению Р.Харре, существенно обогащает традиционные теории личности, поскольку заменяет характеристику «Я» как некоторой сущности методами конструирования «Я»: важно, что говорит о себе индивид, как он рассказывает, повествует о себе. Коль скоро такое повествование о себе оказывается весьма различным в разных жизненных обстоятельствах – в семье, на работе, на приеме у врача, на презентации изданной книги – оно в гораздо большей степени оказывается включенным в культуру. Как отмечают исследователи, «автобиографический текст, сколь официальным бы он ни был, всегда пристрастен, он несет в себе отпечаток субъективной семантики личности, выражение отношения человека к себе и событиям своего существования, преломленное через систему общекультурных значений» [Сапогова, 2006, с. 60]. Нарратив в данном случае выступает в качестве связующего звена социального и культурного бытия человека.

Значение поворота к языку особенно очевидно в исследованиях по психологии социального познания, в частности, при анализе процесса социальной категоризации. Требование К.Гергена о создании новой эпистемологии включают в себя утверждение о том, что правила «что чем считать» не являются застывшими, а зависят от характера социальных изменений: «Термины – это не картинки событий, а своего рода локальные способы говорить, используемые для координирования

отношений между людьми внутри определенного сообщества» (подчеркнуто нами – Г.А.) [Gergen, 1994, p. 74].

Доказательством того, что язык связан именно с определенным сообществом, как минимум с каким-то этапом развития этого сообщества, является, по мнению П.Бергера и Т.Лукмана, доказательство того, что изменчивость языка вместе с социальными и культурными изменениями создает единый «социальный запас знания» включающий, с одной стороны, «знание моей ситуации и ее пределов», а с другой – «средства интеграции разрозненных элементов моего собственного знания» [Бергер, Лукман, 1995, с. 72–75]. Но «знание моей ситуации» – это социальное знание, а «средства интеграции моего собственного знания» – это область важных для меня смыслов и значений, то есть, если можно так выразиться, область культуры. Язык, таким образом, как предмет исследования помещен одновременно и в ткань культурного, и в ткань социального поиска, то есть оказывается средством включения традиционной социально-психологической проблематики в культурный контекст.

Можно увидеть прямую «перекличку» этих идей с идеями историков и культурологов. Так, по мысли А.Я.Гуревича, вообще достижение «социального консенсуса» в социуме коренится в культуре: в каждом обществе существует своего рода конвенция при построении «модели мира» – сетка координат, при помощи которой люди воспринимают действительность, строят свой «образ мира» [Гуревич, 1971]. По крайней мере всегда есть неписанная договоренность относительно разделенности членами сообщества таких понятий, как пространство и время, целое и часть, изменение и причина, судьба и число. Эти договоренности существуют в виде ходячих представлений в обществе или группе – как согласие по поводу того, «что чем называть». В этом – прямая аналогия с идеей конвенциональных значений, как она в свое время была изложена А.Р.Лурией [Лурия, 1979], или идеей «социального консенсуса», как он представлен в современной психологии социального познания [Андреева, 2005]. Весьма показательны в этом отношении и соображения виднейшего теоретика культуры Д.С.Лихачева о том, что кроме слов в высказываниях присутствуют концепты – «алгебраические выражения значения», которые являются «результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [Лихачев, 2006, с. 319]. И здесь вновь два аспекта: культурный (ибо речь идет о значении слова) и социальный (ибо речь идет о личном и народном опыте человека, т.е. о его опыте взаимодействия).

Вывод, который напрашивается сам собой, заключается в том, что обозначенные изменения в понимании роли языка в социальной психологии с особой очевидностью ставят вопрос о потребности более тесного обсуждения проблемы социальных взаимодействий людей в культурном контексте. Иными словами, это и означает своевременность предлагаемой дискуссии о месте социальной психологии не только в пространстве науки, но и в пространстве культуры.

Здесь мы переходим ко второй части проблемы, а именно необходимости анализа тех изменений, которые на рубеже веков происходят в самом обществе и в развитии культуры, и, следовательно, позиционирования социальной психологии в новом культурном пространстве. Сразу следует сделать одну существенную оговорку. В

проблематике соотношения социальной психологии и культуры явственно просматривается несоразмерность двух составных частей этой проблемы: с одной стороны, это вопрос о взаимодействии различных культур, их социально-психологические особенности, с другой стороны, это своеобразный внутренний диалог, то есть диалог культуры и общества в пределах одного социума. И если в рамках первой части проблемы существует солидная традиция ее исследования не только в этнологии, но и специально, в области социальной психологии (см., например [Триандис, 2007; Лебедева, 1999; Стефаненко, 2006; Солдатова, 2000]) , то вторая часть представляется значительно менее разработанной.

Однако прежде чем анализировать общий характер связи социальной психологии и культуры в обществе, необходимо обозначить как минимум две терминологические проблемы: во-первых, само определение культуры, в частности соотношение понятий «культура» и «наука», и, во-вторых, соотношение понятий «культура» и «общество», или «культурное» и «социальное». Трудность в том, что относительно трактовки каждой из этих проблем в истории науки существуют довольно противоречивые суждения.

Что касается определений понятия «культура», то известно, что их существует практически бесконечное число: в исследовании А.Кребера и К.Клакхона 1952 г., которое называет Л.Ионин, названо 150 определений, а в повторном исследовании 1963 г. это число было еще значительно увеличено (подробнее см. [Ионин, 1998, с. 11])[8].

Наряду с наличием таких многочисленных определений достаточно противоречиво решается вопрос о том, есть ли культура и наука – разные сферы человеческой деятельности, или они связаны между собой определенным способом. В обыденной речи весьма распространен такой штамп, как «культура и наука», подразумевающий иногда их прямое противопоставление. Предполагается, что культура включает в себя все что угодно (прежде всего художественную культуру, часто – религию), но не науку. В отличие от такого словоупотребления Д.С.Лихачев определяет культуру как «огромное целостное явление», когда «в понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука (подчеркнуто мной – Г.А.), образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства» [Лихачев, 2006, с. 349]. Более подробно эти идеи развернуты Д.С.Лихачевым в разработанной под его руководством Декларации прав культуры: «под культурой понимается сотворенная человеком материальная и духовная среда обитания, а также процессы создания, сохранения, распространения и воспроизводства норм и ценностей, способствующих возвышению человека и гуманизации общества» [Там же. С. 390]. И далее: «Культура является определяющим условием реализации созидательного потенциала личности и общества, формой утверждения самобытности народа и основой душевного здоровья нации, гуманистическим ориентиром и критерием развития человека и цивилизации...». Именно поэтому она включает в себя, кроме культурно-исторического наследия, социальные институты и культурные процессы, среди которых вновь названы наука и образование [Там же. С. 391].

Если принимается тезис о том, что наука есть часть культуры, то отсюда следуют два

важных вывода: 1) наука вообще включается в культуру, что в значительной мере противоречит обычно употребляемому штампу – «наука и культура», когда под культурой понимается в основном художественная культура. Что же касается включения в культуру такой науки, как социальная психология, то это требует особого разговора, коль скоро такое включение имеет для последней прямое и принципиальное значение; 2) культура есть не только «среда обитания» человека, но и «условие реализации потенциала личности». Следовательно, один из возможных аспектов – наличие в культуре ее внешних и внутренних атрибутов. Если к первым относится все то, что означает создание новых ценностей, то ко второму – развитие сущностных сил человека. Таким образом, культура, взятая во второй своей ипостаси, как то, что способствует внутреннему развитию человека, имеет самое непосредственное отношение к проблематике социальной психологии и не просто «имеет отношение», но включает в себя эту проблематику. Дело здесь не просто в том, что совпадают предметы социальной психологии и культурологии [9], а в том, что реалии, изучаемые в социальной психологии, есть реалии культурного пространства.

Разнообразные варианты такого подхода предлагаются и в специальной литературе. Так, заслуживает внимания определение, данное социологом П.А.Сорокиным: «В самом широком смысле слова культура обозначает совокупность всего, что создано или модифицировано сознательной или бессознательной деятельностью двух или более индивидов, взаимодействующих друг с другом или воздействующих на поведение друг друга» [Цит. по: Ионин, 1998, с. 46]. В этом определении практически непосредственно зафиксировано включение в культуру собственно социально-психологического феномена – взаимодействия индивидов – что, вообще говоря, является достаточно редким и не типичным, хотя анализ «культуры общения» как фрагмента социальной психологии является общим местом.

Разъяснению этих тезисов уделено значительное внимание, как это уже отмечалось в работах Д.С.Лихачева, систематический анализ которых дан в книге А.С.Запесоцкого «Культурология Дмитрия Лихачева» [Запесоцкий, 2012]. В контексте многообразных идей ученого ярко просматривается идея «целостности культуры..., нравственная отягощенность культурно-логического дискурса; гуманистичность» [Там же. С. 29]. Но все это обозначает вновь «сопряженность» факторов социальной психологии и культуры.

Весьма показательны и утверждения такого видного исследователя культур, как Г.Триандис. Настаивая на том, что при анализе социального взаимодействия необходимо знать и понимать связь культуры с социальным поведением, он, в частности, называет целый ряд социально-психологических феноменов, непосредственно детерминированных культурой: «Культура формирует определенный тип поведения», «Культура влияет на способы отбора и интерпретации информации» [Триандис, 2007, с. 35], «Субъективная культура включает в себя способы категоризации и обозначение событий (при помощи языка), связи между категориями, нормами, ролями, типами Я-концепций и ценностями» [Там же. С. 43].

Что же касается собственно социально-психологической литературы, то в ней вопрос

о взаимоотношении культуры и социальной психологии обсуждается в связи с вопросом о двух «вариантах» социальной психологии – психологическом и социологическом. В работе Р.Фарра «Корни современной социальной психологии» [Farr, 1996] автор апеллирует к именам В.Вундта, З.Фрейда и Г.Мида, в подходах которых, хотя и по-разному, по мнению Фарра, был поставлен общий вопрос о соотношении сознания и культуры, которое было проинтерпретировано как соотношение «индивидуального» и «коллективного». Фарр полагает, что для Вундта это соответствовало соотношению между психологией как естественной наукой, отождествляемой с сознанием, и психологией народов, представляющей культуру: «В то время как «сознание изолирует индивида от других; культура включает индивида и сглаживает различие между одним индивидом и другим» [Ibid. P. 39].

Что касается Фрейда, то соображение Фарра по этому поводу еще более интересно. Говоря о том, что Фрейд в 20-е годы приходит к изучению групповых процессов, Фарр сравнивает использованные термины в немецком и английском наименованиях известной работы – «Massenpsychologie und Ich-Analyse» и «Group Psychology and the Analysis of the Ego», где слова «масса» и «группа» обозначают как бы одно и то же, хотя в первом случае связь «Я» и общества (в том числе культуры) очевиднее. Акцент на слово «группа» в английском варианте объясняется Фарром тем, что работы Фрейда в данном случае больше используются клиническими, а не социальными психологами, а для них акцент уместнее делать не на «массу» (культуру, общество), а именно на «группу», что в левиновском понимании означает «малую группу», и это можно проинтерпретировать как большую близость к «Я», то есть к «сознанию». Еще более определенно, по мнению Фарра, вопрос о том, что индивид всегда «находится» между сознанием и обществом (культурой), ставится в символическом интеракционизме, что зафиксировано в названии основного труда Г.Мида – «Mind – Self – Society».

Характер этой дискуссии убедительно показывает, что в традиционной психологии вообще достаточно «непрозрачно» решается вопрос о соотношении понятий «культура» и «общество» (соответственно «культурная» или «социальная» детерминация). Если в определенных работах можно просто встретить прямое противопоставление культуры и общества, культурного и социального, то в других случаях вопрос этот либо обходится, либо вводится достаточно неопределенное понятие «социокультурный подход», «социокультурная детерминация». Это приобретает особое значение в отечественной психологии, в частности, при исследовании культурно-исторической школы Л.С.Выготского.

В классических работах, посвященных анализу этой школы, акцент, естественно, всегда делается на культурную обусловленность психических процессов, что справедливо, учитывая весь контекст концепции. Но, может быть, не вполне справедливо опускается тезис о социальной обусловленности этих процессов. Впрочем, это всегда подразумевается, но почему-то обычно обходится фигурой умолчания, что, кстати, совсем не характерно для текстов самого Выготского. Впрочем, известное объяснение указанному акценту обычно находят в том, что в предшествующий период, а именно в советскую эпоху, как раз перекосяк был сделан именно на подчеркивание не столько культурно-исторической, сколько социально-

исторической детерминации психических процессов.

Тем более необходимо обратиться к взаимоотношению социальной психологии и культуры. При этом могут просматриваться различные аспекты. Например, культура может быть рассмотрена как предмет исследования в социальной психологии, в том числе как восприятие людьми продуктов культуры и пр. Другой аспект – модификация социально-психологических феноменов в различных культурах (этнопсихологические исследования). Третий аспект – «соседство» социальной психологии и культуры – параллельное рассмотрение одного и того же явления в терминах культуры и социальной психологии (например, ценностей). Наконец, четвертый аспект – социальная психология как часть культуры. На наш взгляд, сегодня особый интерес представляет именно этот, последний аспект, поскольку никуда не уйти от своеобразной максимы: человек одновременно живет в обществе и в культуре, или, точнее, в обществе, то есть в культуре.

Специальное внимание взаимоотношению социальной психологии и культуры в обозначенном разрезе уделено в работах Т.Г. Стефаненко. Она, в частности, называет две причины того, почему, с одной стороны, «культура игнорировалась в социально-психологических теориях и концепциях на протяжении большей части XX века», а с другой стороны, почему «включение культурного контекста в наше время оказалось для социальной психологии столь важной и практической, и гносеологической задачей» [Стефаненко, 2002, с. 28]. Объяснения сегодняшней ситуации следует искать в тех изменениях, которые произошли на рубеже веков в современном мире: это, прежде всего, ощущение нестабильности существующей ситуации, вызывающей чувства тревоги и беспокойства, дополненное – добавим – стремлением к поискам большего контакта населения с другими странами и народами, и, вместе с тем, умножения возможностей для таких контактов, то есть интенсификацией взаимодействия культур [Там же. С. 30]. Хотя здесь вновь скорее имеется в виду первая часть проблемы, тем не менее акцент сделан и на то, что происходит с культурой внутри общества.

Особенная острота вопроса возникает в период радикальных социальных преобразований, поскольку в сфере культуры это означает поворот от моностилистической культуры к полистилистической в связи с процессами глобализации. Поликультурность становится свойством социальной реальности, прежде всего потому, что в повседневном взаимодействии и общении людей все более настойчиво встает проблема «инаковости», то есть постоянного присутствия (и необходимости считаться с этим присутствием) не просто другого человека, но и другой культуры, другого образа жизни и миропонимания. Доказательством того, что поликультурность буквально входит в жизнь общества, является бурное развитие Интернета. Задуманный как технологическое средство коммуникации, Интернет превратился в особую среду сосуществования культур, демонстрирующую «множественность культур в действии». В самой культуре при этом вновь «просвечивает» социально-психологическая проблематика, диалог в широком смысле этого слова. Так, в исследовании С. Мэя [May, 1999] утверждается, что в диалоге, происходящем в условиях поликультурности каждый из участников привносит свою идентичность и идентичность своей группы и вступает в ситуацию обмена с

партнером, который также представляет свою и своей группы идентичность, то есть сталкиваются не просто индивиды, но два разных мира. Поликультурность не просто как культурный «фон» диалога, но как его сущность есть новая характеристика традиционной социально-психологической проблемы – общения.

Отсюда – актуальность идеи толерантности, то есть вновь своеобразное объединение требований культуры (как поликультуры) и нормативов взаимодействия, исследуемых социальной психологией. Тем самым последняя еще и еще раз «помещается» в пространство культуры. «Поворот к языку» как один из элементов новой парадигмы социальной психологии как науки становится в то же самое время характеристикой той реальности, которая описывается понятием «культура». Именно поэтому одно из проявлений «поворота к языку» – развитие нарративного метода – очень наглядно демонстрирует общее пространство социальной психологии и культуры. Не случайно, по мнению Дж.Брунера, «по сути один из наиболее важных способов охарактеризовать культуру – выявить предлагаемые ей нарративные модели описания жизни» [Брунер, 2005, с. 13]. Человек выражает при помощи нарратива собственное «Я» не через перечень «черт», а как описание жизненной истории, всегда протекающей не просто в какой-то ситуации, но в определенной культуре». Оно встраивается в ряд событий, свойственных некоторому культурному пространству, существующему в данное время, притом характерному для данной среды. Это в полной мере соответствует подходу социального конструкционизма К.Гергена, один из важнейших пунктов которого – определение роли языка исключительно характером взаимоотношений людей, исключительно его культурным контекстом, в котором язык функционирует [Gergen, 1994].

Все это приобретает особое значение в период значимых социальных трансформаций. П.Штомпка справедливо замечает, что начало процесса изменений, трансформаций, реформ в любом обществе не может обойтись без культурных травм и социальных увечий, которые наносятся решительно каждому индивиду, принадлежащему данному обществу, потому что он в одночасье теряет весь накопленный прежде жизненный капитал [Штомпка, 1996]. Это неизбежно проявляет себя в характере тех жизненных описаний, которые свойственны эпохам перемен. Так, в исследованиях трансформаций, осуществленных в современной России, неоднократно были зафиксированы такие черты социальной травмы, как расколотость, двойственность общественного сознания и, соответственно, два варианта адаптации человека к новой ситуации – активный и пассивный. Язык описаний этой ситуации убедительно демонстрировал эти черты [Ядов, 2000].

Другая проблема современных обществ – повышение роли неопределенности в принятии решений. Исторически проблема неопределенности связана с возможностью неоднозначного выбора вариантов поведения индивидом в ситуации многих альтернатив. Еще в работе Т.Адорно «Авторитарная личность» был введен термин «толерантность к неоднозначности», что обозначало терпимость принятия различных решений в ситуации многих, противоречивых возможностей. Сегодня эта проблема приобретает новое звучание, поскольку наличие таких «противоречивых возможностей» порождено в том числе поликультурным состоянием общества в период его глобализации.

В этих условиях приобретают новое содержание традиционные для социальной психологии проблемы множественной идентичности [Tajfel, Turner, 1986] и возможных идентичностей [Белинская, 2005; Белинская, Тихомандрицкая, 2001] личности. Идея А.Тэшфела о множественной идентичности, то есть об одновременном отождествлении индивидом себя с различными группами в принципе реализует себя в условиях любого общества, но в условиях глобализации она наполняется новым содержанием. Идентифицируя себя с различными группами в такой ситуации, человек неизбежно должен сопоставлять ценности этих групп при условии, что они принадлежат ценностям разных культур, и, следовательно, выбор идентичности становится более сложным. Вольно или невольно ценности разных культур должны быть сопоставлены, выбор осуществлен на основе этого сопоставления. Уже в традиционных обществах средством для такого сопоставления служит межкультурная коммуникация, позволяющая преодолевать шок от встречи с «чужой» культурой [Стефаненко, 2006]. Можно предположить, что навык, приобретенный в ходе межкультурной коммуникации, будет использован при решении вопроса об идентичности в глобальном мире, например, в умении оценить место ценностей глобальной культуры во всем спектре ценностей, разделяемых индивидом.

Но проблема приобретает и еще один аспект, названный исследователями «вертикальным направлением» становления идентичности в глобальном обществе (в отличие от рассмотренного «горизонтального направления» [Покровский, 2005]. В данном случае имеется в виду, что поиск личностью социальной идентичности осуществляется на фоне иногда драматического соотношения глобальных и локальных процессов, например, бюрократических институтов, приверженных глобальному рынку, и локальных элит, традиционно ориентированных на развитие национальной экономики. Это «двоякое» усложнение решения о выборе социальной идентичности личности умножает неопределенность принятия такого решения и является характерной чертой глобализации культур в современном обществе, что, в свою очередь, отчетливо проявляет специфику действия социально-психологического механизма непосредственно в новом культурном пространстве.

Перечень проблем, исследуемых социальной психологией в новых условиях на рубеже столетий, можно продолжать и далее. Важно при этом отчетливо установить, что сама реальность требует определения статуса социальной психологии не только в традиционном пространстве науки, но и в пространстве культуры. Представляется, что необходимость этого осознана и самой социальной психологией, насколько об этом можно судить по тем направлениям, по которым выстраивается новая парадигма. Социальный конструкционизм в наибольшей степени выражает включенность социальной психологии в культурный контекст и тем самым позиционирует ее как часть культуры.

При этом необходимо обозначить основные направления этого позиционирования. Так, в последнее время все более отчетливо ставится вопрос о возросшем влиянии культуры (и в частности, культурных ценностей) на развитие экономики в условиях происходящих в ней инноваций. По мнению Е.Г.Ясина, при решении этих задач

целесообразно объединение усилий разных научных дисциплин, «прежде всего экономистов, социологов и социальных психологов» [Ясин, 2008, с. 27]. При этом просматривается идея об изменчивости некоторых элементов культуры «в направлении повышения продуктивности системы ценностей и норм поведения», хотя по этому поводу существует и достаточный разброс мнений. На наш взгляд, оживленный общественный дискурс не понижает, а, напротив, повышает актуальность предложенного угла зрения.

Позиционирование социальной психологии в пространстве культуры, несомненно, имеет большие перспективы и в плане совершенствования культуры поведения, что в современных условиях освоения обществом новых стандартов жизни становится тоже актуальной задачей. Проблема культурного контекста системы образования – одна из очевидных сиюминутных задач трансформирующегося общества. Здесь часть проблемы – культура и личность, и не случайно, что в последнее время именно в этой области сделано много переводов в России (см., например, [Хофстеде, Маккрей, 2010]). Вряд ли можно переоценить роль социальной психологии в этом сегменте общественной жизни.

В качестве заключения уместно сделать вывод о том, что сегодня пора, анализируя статус социальной психологии в обществе, обязательно отмечать оба проявления этого статуса – и как науки, и как элемента культуры. Каждая из двух ипостасей дисциплины допускает особую разработку и в общем такая ситуация давно сложилась *de facto*. Однако радикальные трансформации в современном мире требуют совместного рассмотрения двух функций этой дисциплины. Это не просто дань уважения науке, сумевшей за столетие с небольшим доказать свое значение, но прямая жизненная необходимость, востребованная современной социальной реальностью. Одновременно это и призыв к большему вниманию общей проблемы – анализу существования науки на разных этапах ее развития в широком социальном контексте.

Литература

Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Моск. гос. университет, 1980.

Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005.

Андреева Г.М. Социальная психология сегодня: поиски и размышления. М.: Моск. психол.-соц. институт, 2009.

Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия. М.: Аспект Пресс, 2002.

Андреева Г.М., Донцов А.И. (Ред.). Социальная психология в современном мире. М.: Аспект Пресс, 2002.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Белинская Е.П. Человек в изменяющемся мире – социально-психологическая перспектива. М.: Прометей, 2005.

Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. М.: Аспект Пресс, 2001.

Бергер П., Лукман Т. [Berger P.L., Luckmann T.] Социальное конструирование реальности. М.: Аспект Пресс, 1999.

Брунер Дж. [Bruner J.] Жизнь как нарратив. Постнеклассическая психология, 2005, No. 1(2), 9–29.

Гуревич А.Я. Представления о времени в средневековой Европе. В кн.: История и психология. М.: Наука, 1971. С. 159–198.

Запесоцкий А.С. Культурология Дмитрия Лихачева. СПб.: Наука, 2012.

Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Логос, 1998.

Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.

Кутузова Д.А. Нарративная работа с парами и ... много чего еще. Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход, 2005, 1(2), 72–92.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. В кн.: Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2006.

Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Моск. гос. университет, 1979.

Покровский Н.Е. Глобализационные процессы и возможный сценарий их воздействия на российское общество. В кн.: Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М.: Флинта, 2005.

Сапогова Е.Е. «Хронотоп Бахтина»: соблазн проникновения. Культурно-историческая психология, 2006, No. 1, 89–96.

Степин В.С. Философия науки. М.: Гардарики, 2006.

Стефаненко Т.Г. Социальная психология в культурно-исторической перспективе. В кн.: Г.М. Андреева, А.И. Донцов (Ред.), Социальная психология в современном мире. М.: Аспект Пресс, 2002.

Страйкер Ш. [Stryker Sh.] Еще раз о двух психологиях. В кн.: Социальная психология: саморефлексия маргинальности. М.: ИНИОН РАН, 1995.

Триандис Г. [Triandis H.] Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007.

- Хофстеде Г., Маккрей Р.Р. [Hofstede G., McCrae R.R.] Возвращаясь к обсуждению личности и культуры: связь личностных черт и культурных осей. Социологический журнал, 2010, No. 4, 9–41.
- Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М.: Академический проект, 1999.
- Штомпка П. [Sztompka P.] Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Ядов В.А. (Ред.). Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М.: Флинта, 2005.
- Якимова Е.В. Введение. В кн.: Социальная психология: саморефлексия маргинальности. М.: ИНИОН РАН, 1995.
- Якимова Е.В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы. М.: ИНИОН РАН, 1999.
- Ясин Е.Г. Исследование культурных ценностей – общее дело социальных наук. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2008, 5(2), 25–36.
- Augoustinos M., Walker I. Social cognition. An Integrated introduction. London: Sage, 1995.
- Boutilier P., Roed Ch., Svendsen.A. Crisis in two social psychologies: critical comparison. Social Psychology Quarterly, 1980, 43(1), 5–17.
- Crossley M. Introducing Narrative Psychology. Buckingham: Open University Press, 2000.
- Farr R. The Roots of Modern Social Psychology. Oxford: Blackwell Publishing, 1996.
- Gergen K. Realities and Relationships. Sounding in Social Construction. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.
- Harre R. Social Being. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Jansz J., Drunen P.V. Social History of Psychology. Oxford: Backwell Publishing, 2009.
- May S. Critical multiculturalism and Cultural Difference avoiding Essentialism and Antiracist Education. London: Falmer Press, 1991.
- Markova I. Dialogicality and social representations. The dynamics of mind. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Moscovici S. Society and Theory in Social Psychology. In: H. Tajfel, J. Israel (Eds.), The Context in Social Psychology. London: Academic Press, 1971.
- Oishi S., Kesebir S., Snyder B. Sociology: A lost Connection in Social Psychology. Personality

and *Social Psychology Review*, 2009, 13(4), 334–353.

Stryker Sh. The two psychologies: additional thoughts. *Social forces*, 1989, 68(1), 45–54.

Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior. In: S. Worchel, W. Austin (Eds.), *Psychology of inter group relations*. Chicago: Nelson-Hall, 1986. pp. 7–24.

Примечания

[1] В отечественной литературе проблема новой парадигмы в социальной психологии была особенно обстоятельно освещена в книге П.Н.Шихирева «Современная социальная психология» [1999], вклад которой в разработку данной проблемы бесценен, хотя с решением некоторых конкретных вопросов и можно дискутировать.

[2] Ш.Страйкер в 1989 г. отмечал, что ни в той, ни в другой ветви социальной психологии не соблюдается важнейший постулат, а именно, что «социально-психологические процессы подвержены решающему воздействию социально-структурных обстоятельств, в которых они протекают» [Страйкер, 1995, с. 203]. И далее подробно анализировалось «отступление» от этого принципа каждой из сторон.

[3] Так, в указанной ранее статье журнала *Personality and Social Psychology Review* отмечается, что, например, в период Второй мировой войны в США усилилась тенденция рассматривать социальную психологию именно как междисциплинарную науку (т.е. как часть социального знания), поскольку этого требовал военный бизнес. В то же время послевоенный период характеризуется тем, что социальная психология «отделилась» от социальных наук и стала ориентироваться преимущественно на психологию [Oishi et al., 2009, p. 339].

[4] Термин предложен В.С.Степиным для характеристики всей науки эпохи постмодернизма [Степин, 2000.] и позже использован применительно к психологии [Корнилова, Смирнов, 2006], что привело даже к созданию журнала с соответствующим названием (подробнее см. [Постнеклассическая психология, 2005, No. 1–2]).

[5] В отечественной литературе подробное освещение проблемы содержится в работе П.Н.Шихирева [Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М.: Академический проект, 1999].

[6] «Жанр соответствует типичной ситуации речевой коммуникации, типичным темам и, соответственно, типичным контактам между значениями слова и актуальной конкретной реальностью в определенных типичных обстоятельствах» [Бахтин, 1986, с. 87].

[7] [Там же. С. 87].

[8] В названном исследовании приводятся четыре группы дефиниций, среди которых специально оговариваются так называемые «психологические определения»,

авторами которых выступают социолог У.Самнер, антрополог Р.Бенедикт, социолог К.Янг и психоаналитик Р.Рохайм (подробнее см. [Ионин, 1998, с. 15–16]).

[9] Обычно же этот вопрос вообще не обсуждается. Более того, даже просто при упоминании наук, изучающих культуру, называют этнографию, культурную и социальную антропологию, социологию и философию, социальная психология при этом даже не называется.

Поступила в редакцию 26 июня 2013 г. Дата публикации: 20 августа 2013 г.

[Сведения об авторе](#)

Андреева Галина Михайловна. Доктор философских наук, профессор, кафедра социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия. E-mail: editor@psystudy.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Андреева Г.М. Социальная психология в пространстве современной науки и культуры. Психологические исследования, 2013, 6(30), 2. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Андреева Г.М. Социальная психология в пространстве современной науки и культуры. // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 30. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/861-andreeva30.html>

[К началу страницы >>](#)